

ного анализа, которая позволила на основе большого массива данных выявить латентные факторы, определяющие отношение к проблеме бездомности.

Результатом проведенного анализа стал рейтинг наиболее часто встретившихся в публикациях явных и латентных суждений их авторов о проблеме бездомности (в одной публикации могли встретиться несколько суждений):

1. Большинство бездомных никогда не сможет вернуться к нормальной жизни — 68,6%;
2. Бездомные сами виноваты в том, что оказались в таком положении — 47,1%;
3. Бездомные представляют собой опасность для общества — 23,0%;
4. У государства достаточно других проблем, необходимо в первую очередь решать их, а не помогать бездомным — 14,0%;
5. Многие бездомные выбрали такую жизнь сознательно и довольны своим положением — 14,0%;
6. Необходимо убрать бездомных с улиц любым путем, даже силой — 13,6%;
7. Бездомные — это часть нашего общества и все их конституционные права должны соблюдаться — 13,0%;
8. Бездомные часто совершают правонарушения — 9,4%;
9. Любой человек может стать бездомным, от этого никто не гарантирован — 9,0%;
10. У государства должна быть разработана программа, которая давала бы возможность бездомным вернуться к нормальной жизни — 8%;
11. Богатые люди должны часть своих средств направлять на решение проблемы бездомности — 7,9%;
12. Бездомные часто становятся жертвами преступников и милиции — 7,0%;
13. Компания, которая помогает бездомным, улучшает свой имидж — 3,8%;
14. Помогать бездомным — благородное занятие — 2,9%;

В заключение следует отметить, что слабее всего язык вражды был выражен в петербургской прессе 2006-2007 годов.

¹ Эдуард Понарин, Дмитрий Дубровский, Анна Толкачева, Рамса Акифьева «Индекс (ин)толерантности прессы. Язык вражды как исследовательская и правозащитная проблема» — в кн. «Язык вражды против общества», Москва, 2007, с. 259.

Освещение бездомности в региональной прессе

Олеся КОЛЬЦОВА, кандидат социологических наук

По материалам исследования, проведенного в рамках проекта «Укрепление гражданского общества и обеспечение реализации прав и доступа к базовым социальным услугам для бездомных и других социально маргинализированных людей в России» (Санкт-Петербург, 2007)¹.

Контекст исследования и его задачи

Средства массовой коммуникации оперируют стереотипами — без этого, во многом, невозможно их функционирование. У журналистов обычно нет времени глубоко задумываться над явлениями, о которых они пишут или рассказывают, иначе во многих случаях новости и даже аналитические передачи просто бы не состоялись. Аналогично, зрители, читатели, слушатели более склонны потреблять те статьи или программы, содержание которых построено на простых, знакомых, легко узнаваемых категориях (добро и зло, болезнь и здоровье, вина и невиновность и т.д.) Таким образом, стереотипы облегчают коммуникацию и ускоряют обмен информацией. Но у них есть и другая, можно сказать, отрицательная сторона: они могут закреплять за явлением, человеком или социальной группой ложный, неполный или спорный образ, который затем очень трудно изменить и который, конечно, искажает представление людей об окружающем мире. Выражаясь медицинским языком, этот образ может быть как ложно-положительным, так и ложно-отрицательным. Последнее особенно касается так называемых социально уязвимых групп населения. Эти группы, как правило, составляют меньшинство, лишены многих ресурсов, доступных большинству и элитам — в том числе и способов повлиять на СМИ, на журналистов и их мышление. Поэтому СМИ беспрепятственно могут тиражировать их негативные образы.

Многочисленные исследования показывают, например, что если преступление совершено представителем этнического большинства, его назовут по полу, возрасту, профессии, может быть, по имени, но если преступление совершил «нацмен», обязательно будет указана его

национальность, и часто она будет его единственным определением. При этом, если освещаются достижения человека, принадлежащего этническому меньшинству, его национальность, наоборот, не подчеркивается. В итоге подсчеты показывают, что львиная доля упоминаний некоторых этнических групп приходится на криминальные новости. Вы не прочтаете в газете о том, что «кавказец Вахтанг Кикабидзе записал новую песню», зато «в нападении на женщину подозреваются два кавказца» — вполне обычное явление. Аналогично, если освещается, например, проблема СПИДа, читатели, как правило, много узнают о том, какую угрозу представляют СПИД и его носители для здорового большинства, но очень мало — о проблемах и дискриминации самих больных СПИДом.

Сходным образом обстоят дела и с освещением бездомных и проблемы бездомности — темы данного исследования. Его задача состояла в том, чтобы разобраться, как освещаются бездомные в прессе, найти примеры корректного и некорректного, дискриминационного и адекватного освещения данной группы и привлечь внимание к этой проблеме тех журналистов, которые готовы работать над изменением стереотипов — как своих, так и общественных.

Для определения корректности освещения проблемы бездомности использовалось широко распространенное в последнее время понятие «языка вражды», которое, по возможности, было освобождено от своей ценностной нагруженности и условно разделено на два вида — мягкий и жесткий. Именно на их поиск и был направлен анализ текстов. Под мягким языком вражды понималось просто дискриминационное освещение бездомных, т.е. отношение к группе как к низшей по сравнению с большинством или с какими-то иными другими (автором, персонажами). Жесткий язык вражды предполагал наличие призывов к насильственным мерам, способным оградить большинство от дискриминируемой группы (в т.ч. выселение, принудительное лечение, заключение под стражу). Как уже говорилось, и дискриминация, и язык вражды — понятия отчасти нормативные, т.е. они включают в себя оценку обозначаемых ими явлений, в данном случае — оценку негативную. Мы обычно говорим о дискриминации тогда, когда неравное отношение к группе представляется нам необоснованным, несправедливым. Граница между обоснованным и необоснованным, справедливым и несправедливым, конечно, всегда вызывает споры, причем споры разной степени интенсивности. Большинство в нашем обществе согласилось бы, наверное, с тем, что неравное отношение к фашистам или к убийцам в части их преступной деятельности — оправдано и справедливо, а неравное отношение к детям-инвалидам — несправедливо (основанием для разграничения здесь обычно служит степень вины,

приписываемой группе, т.е. насколько ее члены нарушают законодательные и моральные нормы — которые, конечно, тоже являются предметом для споров).

Но есть и более спорные случаи, чем фашисты и дети-инвалиды, и к ним как раз относятся бездомные. Стоит ли считать неравное освещение бездомных дискриминационным? Здесь можно опираться либо на субъективное мнение каждого отдельного человека, что не самое лучшее решение для исследователя, либо на данные других исследований, которые утверждают, что в одних случаях «вина» за сложившееся положение лежит в основном на самих бездомных, а в других в основном «виноваты» структурные факторы (законодательство, состояние рынка жилья и т.д.). Поэтому методика данного исследования составлена так, чтобы можно было фиксировать сами факты неравного освещения, а также смотреть, какие обоснования для этого приводятся. Если текст статьи вообще не содержит никаких обоснований, или же дискриминация обосновывается не доказанной виной персонажа, а, например, просто его неприятным видом, или вина приписывается всей группе целиком, без разбора, в нижеприведенном анализе будет констатироваться наличие языка вражды. Также мы будем говорить о языке вражды всего массива статей в целом, если, например, в него включены только случаи с виновными бездомными персонажами, пусть и обоснованно виновными, и совсем не представлены случаи невиновных персонажей. Если же неравное отношение подкрепляется конкретными фактами, имеющими отношение именно к данному случаю, такие статьи будут исключаться из разряда дискриминационных.

В целом, о мягком языке вражды мы будем говорить не только тогда, когда автор пусть мягко, но намеренно унижает бездомных, но и тогда, когда это происходит невольно, из-за оговорки, фактических, логических и других ошибок, неточностей, «непрофессионализма», а также — на уровне массива статей в целом — из-за структурных перекосов (например, упоминавшееся преобладание виновных персонажей, преобладание криминальной хроники, отсутствие рассмотрения причин и/или последствий и др.).

Методика исследования

Предметом исследования являлись печатные публикации СМИ семи регионов России (Архангельск, Владимир, Мурманск, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Тверь, Тольятти), затрагивающие тему бездомности. Выборка газет включила в себя 35 ведущих общественно-политических изданий, различных по аудитории и политическому направле-

нию (12 из Петербурга и по 4-6 из других регионов, в соответствии с региональной медийной насыщенностью). Статьи для анализа из этих изданий отбирались автоматически при помощи поиска по ключевым словам в базе данных СМИ «Интегрум», в которой имеются все включенные в выборку издания, кроме двух. Во всех регионах, кроме Санкт-Петербурга, выборка статей была сплошной, т.е. в анализ были включены все удовлетворяющие запросу статьи из отобранных изданий за конкретный период. В Петербурге, из-за большого количества статей, они отбирались с определенным шагом. Кроме того, в Петрозаводске пришлось осуществлять ручной добор статей из двух изданий, не имеющих в «Интегруме». Всего выборка составила 860 статей, в дальнейшем она будет называться полной выборкой.

Далее руководителем проекта совместно с региональными партнерами был разработан список из 44 параметров, которые сборщикам данных (кодировщикам) следовало искать в этих статьях и заносить в таблицу в компьютерной программе Excel. Эти параметры должны были помочь ответить на основные вопросы исследования — такие, как, например, «Какими словами бездомные персонажи называются в тексте?», «Какие причины бездомности указывает автор?», «Указывает ли автор на опасность, исходящую от бездомных?» и т.д. Часть этих вопросов требовала развернутых ответов, которые затем анализировались т.н. качественными методами, а часть — лишь вставки в таблицу цифровых кодов, которые затем анализировались с помощью статистического пакета SPSS и с помощью программы Excel. Таким образом выявлялось соотношение различных видов статей и зависимость между параметрами (например, являются ли статьи, целиком посвященные бездомности, более дружелюбными по отношению к бездомным, чем те, в которых бездомные лишь упоминаются?). По техническим причинам статистический анализ осуществлялся по выборке статей без архангельских текстов, которая составила 743 статьи и в дальнейшем будет называться основной выборкой. Анализ освещения причин бездомности и мер борьбы с ней, по которым архангельский массив предоставляет относительно полные данные, осуществлялся с его включением, т.е. по полной выборке в 860 статей.

Общие сведения о проанализированных статьях

Региональная принадлежность статей. В выборке по техническим причинам оказалась недопредставлена Карелия, а также, как уже

говорилось выше, не удалось собрать полные данные по 117 статьям из Архангельской области. Помимо этого, поскольку в каждом регионе были свои кодировщики, возможная разница в данных здесь может указывать не на межрегиональные различия, а на различия между кодировщиками (хотя проводилось их обучение, включающее пробное кодирование и обсуждение его результатов). Поэтому межрегиональные сравнения решено было не проводить.

Сезонность статей. Первоначально гипотезой было то, что количество статей о бездомных должно увеличиваться в зимнее время, однако это гипотеза не подтвердилась.

Размер статей. Статьи естественным образом разбились на три больших кластера. До 1000, 2000, 3000 и 4000 знаков они шли примерно одинаковыми группами по 85-90 (что составило первый кластер до 4000 знаков); затем до 5000, 6000, 7000, 8000 и 9000 знаков были группы по 45-50 статей (второй кластер); в третий кластер вошли остальные 70 статей размером более 9000 знаков. Можно сказать, что в выборке представлены все традиционные журналистские «размерности» статей — от 30-строчной «информашки» до расширенной аналитической статьи в 300 строк.

Посвященность статей бездомности. То, что почти половина статей лишь упоминает бездомных, нельзя назвать ненормальным. Такая или даже большая доля проходных статей характерна для любого поискового запроса. Однако, большое количество беглых упоминаний может оказывать не меньшее, а то и большее влияние на формирование образа бездомного, не только в силу количества, но и в силу того, что именно в таких случаях ни авторы, ни читатели не задумываются над тем, как называются бездомные (например, «грязными бомжами» или «нуждающимися гражданами»), и, т.о., их образ транслируется и усваивается, так сказать, на подсознательном уровне. Поэтому так важно сравнить, как называются бездомные в тех случаях, когда они только походя упоминаются, и в тех случаях, когда автор специально акцентирует свое и читательское внимание на теме бездомности. Была найдена значимая разница.

Отношение автора к бездомным. Определение этого параметра наиболее подвержено субъективизму со стороны кодировщиков, однако, поскольку именно это было одной из центральных задач исследования, было решено включить этот параметр в виде прямого вопроса, отдав его на откуп кодировщиков, а также дополнить рядом более конкретных вопросов. Анализ показал, что эти вопросы неплохо перепроверяют друг друга, и данные, полученные из них, непротиворечивы.

Анализ бездомности как проблемы. Наиболее важную для целей исследования группу статей представляют собой те, где авторы

серьезно подходят к теме и пытаются ее анализировать, т.к. именно в таких статьях формируется развернутое отношение к проблеме. Поэтому им, несмотря на небольшое их количество, было уделено особое внимание при анализе.

Общие представления о бездомных в прессе

Общее представление авторов статей о бездомных становится ясным уже из того, какими словами и словосочетаниями называются бездомные персонажи.

Прежде всего, в ходе анализа была посчитана упоминаемость трех ключевых слов запроса, относящихся к бездомным персонажам (слова «бездомный», «бомж» и «без определенного места жительства»). В основной выборке оказалось всего 27 статей, в которых ни одно из этих слов не встречается, т.е. они попали в выборку только благодаря четвертому ключевому слову «бездомность». Это подтверждает и другие данные о том, что бездомные персонажи освещаются в прессе чаще, чем явление бездомности.

Среди трех названных наименований персонажей с огромным отрывом лидирует слово «бомж». Большинство современных словарей сходится в том, что это слово носит оттенок уничижения и пренебрежения и помимо основного значения (лицо без определенного места жительства, бездомный) имеет и второе, расширительное — человек грязный, опустившийся, по виду такой, как если бы у него не было дома и ему негде было бы вести «приличный» образ жизни. Так, словосочетание «бомжеватого вида» указывает на то, что бомж — это не тот, у кого нет дома, а тот, кто выглядит определенным образом (грязный, пьяный и т.д.). Наличие именно таких значений и коннотаций очень хорошо подтверждается употреблением слова «бомж» в статьях. В тех текстах, где встречается слово «бомж», бездомные персонажи чаще характеризуются как асоциальные, неприятные, алкоголики и (особенно!) преступники, чем в текстах, где встречается слово «бездомный» (наряду с «бомжем» или вместо него). Наоборот, в статьях, где встречается слово «бездомный», такие персонажи чаще характеризуются как несчастные и нуждающиеся.

Представляется важным, что употребление нейтральных слов «бездомный» и «без определенного места жительства» нарастает по мере нарастания степени посвященности статьи теме бездомности. Т.е., чем больше внимания автор статьи уделяет теме, тем чаще он называет бездомного бездомным: среди статей, целиком посвященных бездом-

ности, слово «бездомный» содержат две трети текстов; среди тех, где оно только упоминается — менее 20%. При этом в статьях, целиком посвященных бездомности как проблеме, слово «бомж» употребляется реже, чем в трех других группах статей, выделенных нами по степени посвященности. Среди этих трех последних групп распределение слова «бомж» не демонстрирует очевидной закономерности, но здесь важно другое.

Чем меньше статья посвящена бездомности, тем чаще ключевые слова используются по отдельности, друг без друга — так, в более чем 90% статей, в которых бездомность лишь упоминается, бездомные называются только одним из трех слов, и в подавляющем большинстве случаев (более двух третей) это единственное слово — «бомж». Значит, когда бездомные упоминаются походя, они для авторов — только «бомжи». Наоборот, в статьях, целиком посвященных бездомности, в половине случаев употребляется более одного слова, и чаще всего это слово — «бездомный», более трети таких статей используют только это слово. Слово же «бомж», употребляемое в этой группе статей, как правило, употребляется наряду со словами «бездомный» или «без определенного места жительства», а не вместо них. Т.е. слово «бомж» здесь хотя и не редкость, но оно, в основном, дополняет два других слова. В статьях, посвященных бездомному в связи с каким-то конкретным случаем или бездомности частично, слово «бомж» все-таки чаще употребляется самостоятельно, отдельно, чем в дополнение к другим словам, но все же такое отдельное употребление не так подавляюще, как в статьях, где бездомность только упоминается.

Из всего этого можно сделать вывод, что чем больше авторы статей уделяют специального внимания бездомности, тем чаще они склонны употреблять нейтральное слово «бездомный» и использовать негативно окрашенное слово «бомж» как дополнительное. Наоборот, чем меньше внимания теме — тем чаще негативное слово «бомж» вытесняет все остальное.

Негативный характер слова «бомж» подтверждается и связью между его употреблением и отношением автора статьи к бездомным. Так, слово «бездомный» употребляется в 60% статей с положительным отношением и лишь в семи процентах статей с отрицательным отношением. Наоборот, слово «бомж» употребляется менее чем в половине статей с положительным отношением и более чем в 90% статей с отрицательным отношением. Если отношение автора смешанное или кодировщикам не удалось его определить, лидерство имеет слово «бомж».

Похожие тенденции можно наблюдать при анализе т.н. степени абстрактности наименований персонажей. После того, как было просто посчитано количество статей, в которых упоминаются те или иные клю-

чевые слова, все статьи были разделены на четыре взаимоисключающие категории. В первую вошли статьи, в которых бездомные называются только бомжами и только во множественном числе. Это наиболее отстраненное наименование. Вторая группа — слово «бомжи» и другие «собираательные» существительные во множественном числе, а также присоединенные к ним эпитеты. Здесь есть некоторая степень конкретизации, т.к. могут выделяться некоторые признаки персонажей, пусть и объединенных в группы. В третьей и четвертой группах статей присутствуют конкретные персонажи. В целом, считается, что присутствие конкретных персонажей, даже отрицательных, способствует интимизации изложения и персонификации образа той группы, к которой принадлежит персонаж. Конкретный персонаж скорее способен вызвать сочувствие или хотя бы понимание, поскольку он очеловечен, понятен, и образ его нагляден, а группа (бомжи, нуждающиеся) — абстрактная категория, лишенная наглядности и человечности. Исследованиями установлено, что если в тексте присутствуют и конкретные человеческие истории, и абстрактные рассуждения, то читатели формируют свои мнения о социальных группах и явлениях именно по этим историям, независимо от содержания общих рассуждений. Поэтому предложенная шкала степени абстрактности строилась исходя из гипотезы, что чем больше степень абстрактности, тем отрицательнее образ бездомного (о проверке этой гипотезы — ниже). А пока поясним отличие третьей и четвертой групп — «анонимный персонаж» и «персонаж, названный по имени». Здесь также считается, что, в целом, использование имени собственного очеловечивает персонажа, поэтому эта группа и признается здесь наименее абстрактной (ср. «бездомный гражданин» и «бездомный Иван Петрович»). Конечно, многое тут зависит от конкретных наименований — анонимный персонаж «несчастный бездомный старик» способен вызвать больше сочувствия, чем поименованный «пьяная бомжиха Катька». Поэтому в этом исследовании был предпринят отдельный анализ имен собственных, применяемых к бездомным персонажам.

Статей с конкретными персонажами меньшинство — чуть более трети, и особенно мало статей, где бездомные называются по имени (всего 69). Это говорит о том, что в целом статьи о бездомных не склонны их очеловечивать и, значит, шанс на сочувствие читателей у этих персонажей невелик. К сожалению, мы не можем сказать, является ли такая картина дискриминационной, т.к. мы не знаем аналогичных показателей для других социальных групп. Но значимые выводы получаются из связей абстрактности наименований со степенью посвященности статей бездомности и с отношением автора к ней.

Чем меньше степень посвященности статей бездомности, тем чаще авторы склонны ограничиваться для обозначения бездомных только словом «бомжи». Чем больше степень посвященности, тем чаще появляются конкретные персонажи. Особенно их много в статьях, целиком посвященных конкретному случаю — почти 70% таких статей содержат упоминания персонажей, правда, в большей степени анонимных. Почти половина статей, целиком посвященных проблеме бездомности, содержит упоминания персонажей, и здесь доля поименованных персонажей выше доли анонимных. Иными словами, чем больше внимания автор уделяет теме, тем больше в статьях появляются конкретных людей с их конкретными чертами, ситуациями, историями, и, значит, тем больше шанс, что эта группа будет очеловечена и вызовет сочувствие.

В статьях с отрицательным отношением автора бездомные почти никогда не называются по имени, зато поименованные персонажи встречаются более чем в четверти статей с положительным отношением. Наоборот, в таких «положительных» статьях авторы почти никогда не ограничиваются только словом «бомжи», а вот среди «отрицательных» статей более трети называют бездомных только одним этим словом во множественном числе. Анонимные персонажи присутствуют как в «положительных», так и в «отрицательных» и в «смешанных» статьях; в последних двух группах их больше (почти по 30% против 20%). Дело в том, что здесь анализ показал несколько неожиданные результаты: анонимные наименования более чем в 80% случаев основаны на том же слове «бомж», с эпитетами или без оных, а собираательные наименования основаны на нем только примерно в половине случаев. Это говорит о том, что анонимные наименования тяготеют к негативному образу, а собираательные могут быть очень разными. Видимо, поэтому собираательные очень часто встречаются в положительных статьях, а анонимные чаще встречаются в отрицательных и смешанных. Однако, подтверждение этого вывода требует более детального изучения всех наименований, которое в этом исследовании не проводилось.

Статьи со смешанным отношением называют бездомных по-разному, но только не по имени. Это, в совокупности с анализом, проведенным выше, скорее всего, говорит о том, что эта неопределенная группа статей более тяготеет к негативному отношению к бездомным, чем к позитивному.

Анализ имен собственных показал, что они также не представляют однородной группы. Эти имена были разделены на три основных категории. Первая — официальные имена; предполагается, что они нейтральны. Вторая — это уменьшительно-уничижительные имена, клички и прозвища, которые явным образом понижают социальный и/или мо-

ральный статус персонажей. Просто уменьшительные имена — третья, промежуточная группа, т.к. они, в зависимости от контекста, могут играть разную роль: как понижать статус (ср. «40-летняя бездомная Екатерина Васильевна» и «40-летняя бездомная Катя»), так и интимизировать, делать его более человеческим (ср. «бездомный Е.А.Иванов» или «бездомный по имени Женя»). Оказалось, что первая, официальная группа сильно доминирует над двумя другими. Казалось бы, это означает, что имена собственные способствуют формированию позитивного или нейтрального образа бездомного. Однако анализ эпитетов и дополнительных слов, которыми сопровождаются официальные и нейтрально-уменьшительные имена, показал, что почти в половине случаев эти слова — уничижительные (чаще всего это то же слово «бомж»). В итоге получилось, что даже употребление имен собственных в половине случаев может работать скорее на негативный образ бездомных, чем на позитивный.

Кроме ключевых слов и имен собственных также анализировались и другие слова, которыми называются бездомные персонажи. Наиболее частым оказалось слово «бродяга» (это не удивительно: словари приводят его как ближайший синоним слов «бомж» и «бездомный»), по своему отношению к бездомным оно близко к слову «бомж», хотя его негативные коннотации и не столь жесткие. Остальные слова встречались гораздо реже, поэтому они были объединены еще в 9 смысловых групп (по убыванию упоминаемости — «несчастные», «преступники», «умершие», «бродяги», «асоциальные элементы», «неприятные», «больные», «нелюди», а также «другое»). Поскольку их разнообразие плохо поддавалось классификации, группа «другое» получилась очень большой, тем не менее, некоторые представления о наиболее частых наименованиях бездомных из этой классификации получить можно.

Среди них лидирует сочувственное определение бездомного, но сразу следом за ним идет образ бездомного преступника, который чаще всего присутствует в жанре криминальной хроники. Показательно также, что следующая группа — это умершие бездомные, причем чаще всего умершие насильственной смертью или погибшие от несчастных случаев — опять же, это жанр криминальной хроники и хроники происшествий. Остальные выделенные группы в основном имеют негативные коннотации. Правда, группа больных бездомных иногда может характеризоваться сочувственным отношением, когда речь идет о больных стариках и инвалидах, однако здесь существенную роль играют образы отвратительных больных («с чесоткой», «с педикулезом», «весь в язвах», «...у "клиента" была полностью некротизирована нога, в которой копошились личинки мух»). Наконец, есть несколько статей, где бездомным вообще отказывается в праве называться человеком и,

наоборот, подчеркивается их нечеловеческая сущность («существо», «особь», «субъект», «неопределенного пола, возраста», «двуногие»). Следует отметить, однако, что таких статей всего семь, и они представляют собой крайний случай. Тем не менее, в целом, даже если несчастных, умерших и больных персонажей условно отнести к «позитивным» образам (или, скорее, к образам, способным вызвать сочувствие), а «бродяг» и «другое» оставить за скобками, то остальные пять явно негативных групп по численности перевесят этот массив условно-позитивных упоминаний.

Подводя общий итог анализа наименований бездомных персонажей, можно сказать, что они тяготеют скорее к созданию их негативно, чем позитивного образа.

Типы отношений авторов статей к бездомным

Как уже говорилось, отношение авторов к бездомным персонажам можно увидеть уже из их наименований этих персонажей, однако именно авторскому отношению в этом исследовании было уделено специальное внимание. Поскольку оценка такого отношения кодировщиком — весьма субъективный процесс, кодировщиков просили отмечать положительное или отрицательное отношение только там, где они явно выражены автором. Поэтому как «положительных», так и «отрицательных» статей получилось меньшинство, примерно по 13%, большинство составили статьи, где отношение автора показалось кодировщикам нейтральным, смешанным, или им не удалось определить это отношение вообще. Несмотря на опасения по поводу субъективности, выявленное отношение автора оказалось очень логично связано с другими параметрами. Так, в целом подтвердилась гипотеза о положительной связи отношения со степенью посвященности статей бездомности. Чем выше степень посвященности, тем чаще встречается положительное отношение; чем меньше степень посвященности, тем чаще отношение смешанное или его не удастся определить. То есть — опять же — если автор берется за тему всерьез, он склонен более позитивно относиться к бездомным, а если он их только упоминает, его отношение неопределенно.

Среди «отрицательных» статей, хотя они и не демонстрируют четкой связи с посвященностью, текстов, целиком посвященных проблеме бездомности, почти нет, но представлены все остальные группы. Это либо статьи о преступлениях, совершенных бездомными или приписываемых им, либо статьи о самых разных проблемах других лю-

дей, в решении которых бездомные оказываются препятствием: они являются источником грязи, болезней, вандализма, пожаров, захватывают брошенные дома, гаражи и автомобили, разбрасывают мусор из помоек, поедают бездомных животных или просто мешают «добропорядочным» гражданам своим присутствием в скверах, транспорте, подвалах и чердаках. Сюда входит и группа статей, где небездомных персонажей сравнивают с бомжами, чтобы подчеркнуть их неприглядный облик (т.е. «бомж» используется как синоним ругательного слова): «грязный, похожий на бомжа мальчишка лет пятнадцати».

Позитивные статьи — совершенно иные по составу. В основном они посвящены деятельности социальных служб, благотворительных организаций и — реже — просто государственных органов, чье сочувственное отношение к бездомным и транслирует (и иногда перенимает) автор. Бездомные в таких статьях, как правило, лишь объекты сострадания, помощи и других воздействий. Встречаются и другие типы статей: несколько случаев, когда субъектами помощи бездомным стали не организации, а отдельные граждане; случаи, в которых бездомные являются жертвами преступников, жестокого отношения, чиновничьего или милицейского произвола или несовершенного законодательства; истории бездомных — как они стали бездомными (включая рассказы о квартирных махинациях) и в нескольких случаях — как вернулись к «нормальной» жизни. Есть всего несколько статей, в которых бездомные играют активные положительные роли: в одном случае они спасли от изнасилования женщину, в другом — сообщили в милицию о найденных телах детей, упавших в колодезь.

Также, несмотря на субъективность оценки общего отношения авторов к бездомным, связи этого параметра со специально введенными пятью параметрами, призванными конкретизировать это отношение, оказались значимыми. Отсутствие у бездомных некоторых возможностей — т.е. их неравное, более трудное по сравнению с остальными положение — гораздо чаще упоминается в статьях с положительным общим отношением автора, чем с отрицательным. Справедливости ради следует сказать, что в этой группе статей бездомные не сравниваются с небездомными явным образом, а просто описываются их лишения, ответственность за которые не возлагается на них самих. Можно сказать, что такие лишения описываются как несправедливые и/или незаслуженные. Лишения могут быть самыми общими: например, говорится, что эти люди никому не нужны, что они оказались в трудном положении в силу тяжелых обстоятельств, что им не оказывается помощь; также говорится, что они лишены жилья — что, собственно, и делает их бездомными. Чаще упоминаются более конкретные лишения: одна большая их группа — ситуации, когда у бездом-

ных нет документов и/или они не подпадают под юрисдикцию ни одного ведомства, и на этих основаниях им отказывают, например, в медицинской помощи, им трудно найти работу и вообще вернуться к «нормальной» жизни из-за непреодолимых бюрократических барьеров. Другая большая группа — ситуации отсутствия непосредственно материальных благ (помимо собственно жилья — еды, одежды, приютов), часто упоминается также, что зимой бездомные погибают от переохлаждения.

Указание на отсутствие возможностей — единственный из пяти параметров группы конкретизации, способствующий созданию более позитивного отношения к бездомному. Из остальных четырех только указание на конфликт может играть разную роль, в зависимости от того, кто считается источником конфликта: бездомные или небездомные граждане. Остальные три параметра — упоминание ущербности, опасности и призывы к насилию — работают на негативное отношение. Под конфликтом кодировщикам было предложено понимать как ситуации прямого взаимодействия, так и существующего противоречия интересов. При этом от них требовалось указывать стороны, участвующие в конфликте, и предмет спора. К сожалению, эта задача оказалась не понятной кодировщикам или была понята ими по-разному: получившаяся группа статей оказалась очень разнородной, скорректировать ее на этапе анализа, используя другие переменные, оказалось невозможным, поэтому дальнейший ее анализ здесь производиться не будет.

Параметры упоминания ущербности, опасности и призывов к насилию должны были измерять степени языка вражды по отношению к бездомным. Так, просто констатация того, что бездомные являются низшими по отношению к другим людям — наиболее мягкая форма языка вражды. Утверждения об опасности, если они не подкреплены данными — уже несколько более жесткая форма. Наконец, призывы к насильственному решению проблемы — это жесткий язык вражды, если речь не идет о законном наказании за конкретные доказанные преступления. Следует с сожалением отметить, что параметры «ущербность» и «призывы к насилию» постигла та же участь, что и «конфликтность». Сохранившаяся при этом логическая связь их с общим отношением автора может иметь два объяснения. Первое — несмотря на разницу в трактовках этих параметров, они все же подтверждают, что негативное отношение связано с утверждением ущербности и с желанием решать вопросы силой. Второе — общее отношение авторов к бездомным оценивалось кодировщиками на основании их оценок конкретных параметров, включая рассматриваемые два, и они могли повлиять на оценку общего отношения.

Поэтому в ходе настоящего анализа состав группы статей с призывами к насилию был подвергнут дополнительному изучению и корректировке (см. в конце раздела). Скорректировать группу статей с «ущербностью» на этапе анализа собранного материала не представляется возможным, но можно сказать, что в самом широком смысле констатацией ущербности бездомных персонажей можно считать уже любое упоминание слова «бомж», т.к. оно имеет уничижительный смысл — особенно там, где не приводятся конкретные доказательства ущербности конкретных бездомных персонажей. А это, в первую очередь, относится к многочисленным случаям, когда бездомные лишь упоминаются как группа в целом и называются исключительно словом «бомжи». К этому можно прибавить добрую половину тех случаев, когда бездомные называются другими уничижительными словами.

Понятно, что к уничижающим в таком случае относится подавляющее большинство статей. Оправдано ли такое расширение понятия «ущербности»? Представляется, что да, поскольку самой прочной и трудно искоренимой формой дискриминации является та, которая уже настолько распространена и растворена в повседневном языке, что уже и не замечается большинством его носителей. Еще одно возражение, которое может здесь возникнуть — употребление слова «бомж» может быть подкреплено указанием на конкретные характеристики или действия бездомных персонажей, подтверждающие их ущербность. Для проверки этого предположения все действия бездомных персонажей, названных бомжами, были разделены на «виновные» и «невиновные» и подвергнуты счету. Предполагалось, что если бездомный персонаж совершает какие-либо незаконные или морально предосудительные поступки, то у автора есть некоторые, хотя бы условные, основания считать этого персонажа ущербным.

Подсчет показал, что в трети статей персонажи, названные бомжами, не совершают вообще никаких действий, и еще в трети текстов их действия не могут быть отнесены к виновным. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев у авторов нет никаких оснований применять к бездомным уничижительное наименование, и, тем не менее, оно применяется. Можно ожидать, что при проведении аналогичного анализа, касающегося других применяемых к бездомным наименований, картина будет сходной. Так что в большинстве статей бездомные считаются ущербными просто по определению, такое их определение естественно, само собой разумеется и не требует доказательств.

Статьи с утверждением опасности бездомных, в отличие от выделенной кодировщиками группы статей с ущербностью, представляют собой очень цельную и ясную группу, которую легко разделить на не-

сколько подгрупп в зависимости от видов опасности. С большим отрывом здесь лидирует опасность преступлений, причем только где-то в двух третях случаев речь идет о конкретных осужденных или подозреваемых, с приведением конкретных обстоятельств/доказательств. В остальных случаях типы преступлений приписываются группе в целом («порой бомжей используют в качестве «подсобной рабочей силы» криминальные структуры», «бомжи — постоянные участники (...) правонарушений»), и только в одной из таких статей приведена статистика правонарушений, косвенно указывающая на то, что доля лиц БОМЖ среди преступников выше, чем среди населения в целом. Виды преступлений бездомным приписываются самые разные: в основном кражи, особенно дачные, реже квартирные, кражи металла, грабежи, нанесение телесных повреждений, убийства (особенно ножом, топором, обухом), но также наркоторговля, хранение оружия; в двух статьях даже утверждается, что бездомные способны за небольшую плату принести в дом взрывное устройство и что, наряду с цыганами и психически больными людьми, они воруют младенцев из колясок на улицах с целью получения выкупа.

Следующая группа статей с упоминанием опасности по объему в два раза меньше первой; в нее объединены статьи, где говорится о всевозможных неудобствах некриминального характера, доставляемых бездомными небездомным гражданам, а также о неконкретизированной опасности — т.е. попросту утверждается, что бездомные опасны, и все. На первый взгляд, эти две группы легко разделить, но в текстах они как раз часто идут вместе или неразрывно связаны. Вот некоторые примеры таких утверждений, приведенные в (примерном) порядке убывания конкретности обвинений: «снимают решетки», «натаскивают в пустующие сараи мусор», «мочатся в подъездах», «создают неудобства жителям шумными гуляниями и пьяными разборками», «развели целую свору собак, которые пугают детей», «портят воздух на полквартала», «оскорбляют эстетические чувства», «заселяют городские руины», «не дают покоя жителям подъезда», «пугают жителей», «нарушают права законопослушных граждан на достойную жизнь», «матери боялись отпускать детей играть во двор — среди прохожих попадались и наркоманы, и хулиганы, и бомжи».

Следующую группу составляют утверждения о том, что бездомные являются виновниками пожаров — здесь так же, как и в группе преступности, лишь часть статей говорит о конкретных пожарах и подозреваемых, а другая часть обобщает эту угрозу («проживание бомжей на чердаках, в подвалах, в подъездах жилых домов опасно возможностью пожаров»). Наконец, к опасностям для здоровья, приписываемым бездомным, относятся такие как: педикулез, лишай, чесотка, туберку-

лез, сифилис, брюшной тиф, гепатит, дизентерия, «заболевания», «зараза», «инфекция», «возбудители болезней». Среди тринадцати случаев других опасностей — шесть случаев упоминаний пьянства как угрозы вообще или как причины пожаров и преступлений и три упоминания поедания лицами БОМЖ бездомных животных.

Переходя к анализу статей с призывами к насилию, следует сказать, что к ним кодировщики должны были относить статьи, где авторы явным образом призывали бороться с бездомностью с помощью насилия — как незаконного, так и законного, последнее можно назвать еще репрессивными мерами. Таких статей кодировщики нашли тринадцать, однако при их изучении оказалось, что только шесть из них удовлетворяют приведенному выше определению, остальные упоминают насилие, совершенное персонажами, или вообще не относятся к делу. Эти шесть случаев имеет смысл перечислить (в порядке убывания степени насилия): «скормить бездомных голодающим», «отлавливать бомжей», «надобно выгнать из города: Алкоголиков, Бомжей, Всякое Г..., Дураков», «не пора ли ларечек того... ну, сами понимаете», «таких людей надо заставлять работать, а не потчевать похлебкой, будто они действительно сырые и убогие», «да таких надо бы выселять... в неблагоустроенное, максимально дешевое жилье... надо бы выделять особые дома для особого "контингента", либо выдворять пьяниц-дебоширов в специальные поселения». В последней статье оба предложения отклоняются самим автором: первое как мешающее проживающим в дешевом жилье «приличным» гражданам, а второе как не применяемое в цивилизованных странах.

К этой группе имеет смысл прибавить статьи, где авторами предлагаются репрессивные меры борьбы с бездомностью; всего кодировщики выделили восемь таких случаев. Часть из них совпадает с группой «призывов к насилию», часть не оформлена в виде призывов, а описывает существующие, существовавшие или невозможные, по мнению автора, меры, и остаются две статьи, в которых применение репрессивных мер оформлено в виде призывов авторов. В первой из них говорится, что «можно или самим от первопричины дурного амбрэ избавиться, или милиционеров позвать», во второй, посвященной проблемам беспризорности, содержится призыв создавать институт ювенальной юстиции, при этом, однако, утверждается, что этот институт должен быть переориентирован с карательной функции на воспитательную, так что к репрессивным мерам это предложение можно отнести лишь с некоторой долей условности. Итого, во всей полной выборке можно выделить восемь статей, содержащих призывы авторов к насильственным мерам по отношению к бездомным.

В заключение можно сказать, что в проанализированной прессе преобладает такое отношение авторов к бездомным, которое способствует формированию их негативного образа у читателей — даже в тех случаях, когда бездомные лишь упоминаются, ибо эти упоминания по большей части пренебрежительны. Наиболее распространено, скажем так, диффузное, почти незаметное на первый взгляд негативное отношение — когда бездомные просто определяются как низшие, ущербные, через применение к ним слов с уничижительным оттенком. Существенная — почти пятая — часть статей указывает на более или менее конкретные виды опасности, исходящие от бездомных, и лишь незначительное меньшинство содержит открытые призывы избавить небездомных граждан от бездомных насильственным образом.

Пресса о причинах бездомности

Как говорилось выше, причины бездомности упоминаются в относительно небольшом количестве статей: как в основной, так и в полной выборке их доля составляет около 11%. Как кодирование, так и анализ этих причин представляют значительные трудности. Очень часто авторы статей, описывая обстоятельства бездомности, не устанавливают прямых и четких причинно-следственных связей между событиями или явлениями, а лишь перечисляют их (например, «лишился всего: семьи, работы, жилья») или устанавливают множественные разнонаправленные и неясные связи. Поскольку процесс потери жилья иногда растянут во времени, довольно часто непонятно, например, является ли алкоголизм или потеря работы причиной или следствием движения к бездомности. Поэтому многие кодировщики записывали в причины все сопутствующие обстоятельства, тогда как другие, по-видимому, осуществляли более строгий отбор и включали в причины только то, что прямо называется этим словом. На этапе анализа счесть подвергалось все, что было записано кодировщиками.

В целом о причинах говорят в равной степени как авторы, так и персонажи статей. И те, и другие солидарны в том, кому следует приписывать ответственность за бездомность. Только в очень небольшом числе случаев авторы и персонажи считают, что в бездомности виноваты сами бездомные, в большинстве же статей и те, и другие либо винят небездомных лиц или организации, либо говорят о безличных, бессубъектных причинах. Показательно, что причины бездомности чаще упоминаются в статьях с положительным общим отношением автора к бездомным, чем с отрицательным, и практически не упоминаются в статьях, где бездомные называются только словом «бомжи».

Персонажи несколько чаще, чем авторы говорят о причинах бездомности применительно к конкретному случаю (например: «лишился жилья, преступники “помогли”»), поскольку именно в уста персонажей часто вкладываются истории отдельных людей. Такого рода упоминания сводят причины бездомности к уровню индивидуальной неудачи или провинности. Однако при этом и персонажи, и авторы статей одинаково склонны к обобщениям, выводящим причины бездомности на структурный уровень, например: «В лучшем случае такие клиенты риэлторов переселяются из городских квартир в глухие деревни...», «Жертвы несовершенного законодательства и семейных трагедий». В этих примерах указывается на социальные тенденции. Сложнее отнести к разряду структурных обобщения, приписывающие вину самим бездомным (например, «большинство из них по причине пьянства и стали бомжами»): можно ли алкоголизм считать структурной причиной? В этом анализе к структурным причинам причислялись любые обобщения.

В ходе анализа упоминавшиеся причины были разделены на 13 типов, и была посчитана частота их упоминаемости. Почти в половине статей упоминается более одной причины, поэтому общее количество упоминаний причин больше количества статей. Непересекающимися являются только две пары категорий — пара «мошенничество с жильем» / «другая утрата жилья» и пара «законодательство» / «политика государства» (последняя категория включает в себя любые действия государственных органов, кроме непосредственно законотворчества). Первая пара, связанная с утратой жилья, лидирует среди причин с большим отрывом (вместе — 36 статей). В каком-то смысле это тавтология: потеря жилья и есть единственная непосредственная причина бездомности, остальные причины — сопутствуют, приводят человека в этой потере. Важно, однако, что в двух третях тех статей, где вообще говорится о потере жилья, причиной его потери является мошенничество, незаконные или недобросовестные действия других лиц, связанные с продажей, обменом, выпиской. Оставшиеся 12 статей также не всегда возлагают вину за утрату жилья на бездомного («пропил» и т.п.): здесь присутствуют упоминания пожаров, ветхости жилья, утраты прав на жилье в связи со смертью родственника, продажи из-за необходимости достать деньги на дорогостоящую операцию и др. Из причин, сопутствующих утрате жилья, чаще других упоминаются семейные проблемы и алкоголизм; среди семейных проблем преобладают развод и другие ссоры и смерть родственников.

Данные об упоминаемых причинах становятся особенно «говорящими» при сравнении их с упоминаемыми мерами борьбы с бездомностью, что и будет сделано в следующем разделе.

Пресса о мерах борьбы с бездомностью

Так же как и в случае с причинами бездомности, упоминаний мер по борьбе с бездомностью в прессе не так много — около 13% в основной выборке и около 15% — в полной. Кодирование мер связано с трудностями, аналогичными кодированию причин. Часто меры не предлагаются в статье как меры, а описываются как действия небездомных персонажей по отношению к бездомным (например, «милиция время от времени делает рейды по местам скопления бездомных, собирает их в автобусы и отвозит на самые дальние сенокосы», «дом ночного пребывания помогает отмыться от грязи, получить ночлег и пищу, восстановить документы»). В подобных случаях не указывается напрямую, направлены ли эти действия на решение проблемы бездомности и решают ли они ее реально (с точки зрения персонажа или автора), и тогда кодировщикам приходится самим решать, относить или не относить такие действия к категории мер борьбы.

Сравнительный анализ упоминания мер борьбы с бездомностью и ее причин показывает, что они до некоторой степени связаны. Так, в статьях, где причины есть, меры встречаются в три с лишним раза чаще, чем в статьях, где причин нет. И, наоборот, в статьях, где есть меры, причины встречаются в три с лишним раза чаще, чем в статьях, где мер нет. С другой стороны, из 186 статей, где есть меры и/или причины, только в тридцати пяти (пятой части) упоминаются и меры, и причины вместе. То есть большинство из этих статей все-таки рассматривают либо причины без мер, либо меры без причин, причем второе чаще: видимо, пути решения проблемы бездомности волнуют авторов больше, чем анализ того, что же к ней привело.

Сходным образом связано упоминание мер и причин с теми статьями, которые рассматривают бездомность как социальное явление, т.е. поднимают ее над отдельным случаем (этот подсчет совершался по основной выборке). Около трети таких статей содержат упоминания о причинах бездомности, и более 40% таких статей говорят о мерах борьбы с нею, тогда как более 90% статей, не выделяющих бездомность как проблему, не говорят ни о ее причинах, ни о мерах борьбы с ней. То есть, если бездомность осознается как проблема, авторы более склонны говорить о ее причинах и мерах борьбы с ней, но все-таки делают это в меньшинстве случаев. Также, упоминание мер и причин нарастает по мере нарастания степени посвященности статей бездомности. Здесь аналогично: если автор берется за тему серьезнее, он чаще говорит о причинах и мерах, хотя, опять-таки, в меньшей части случаев.

Интересно, что о мерах борьбы, в отличие от причин, персонажи говорят гораздо чаще, чем авторы, ибо часто это — интервьюируемые официальные лица; также, как уже говорилось, в группу «персонажных» мер попали те меры, которые персонажи не предлагали в своей речи, а применяли.

В ходе анализа упоминаемые меры были разделены на 16 категорий, затем большинство категорий были сгруппированы в три более крупные группы — уровни мер борьбы. Первый, самый «низкий» уровень — это избавление бездомных граждан от присутствия бездомных, когда собственно проблема не решается, но создается видимость ее отсутствия. Это достигается через репрессивные меры. Второй уровень — это борьба с последствиями бездомности, т.е. предоставление реальной материальной помощи гражданам, оказавшимся в ситуации бездомности, облегчающей их текущее положение, но не способствующей их выходу из бездомности и тем более не предотвращающей ее. Третий уровень был назван системными мерами: сюда относится такая помощь бездомным, которая способствует их самостоятельному выходу из бездомности (например, восстановление документов), а также меры по предотвращению бездомности на уровне всего общества (например, изменение законодательства). Меры, не вписавшиеся в эти три уровня, были объединены в группу «остальное», не относящуюся ни к какому уровню вообще.

По итогам этого анализа стало ясно, что с большим отрывом лидируют меры по устранению последствий — их в равных долях упоминают как авторы, так и персонажи статей. Репрессивные и системные меры упоминаются одинаковое количество раз и вместе их упоминания составляют столько, сколько составляют меры по устранению последствий в одиночку. Оба этих вида мер чаще — в процентном отношении — предлагаются персонажами (зато авторы чаще упоминают всякие другие меры, отнесенные к категории «остальное»). Характерно, что в числе системных мер в основном все-таки помощь бездомным с документами, информацией и трудоустройством и почти нет профилактических мер уровня всего общества.

Очень интересно сравнить состав предлагаемых в статьях мер с составом упоминаемых причин — очевидно, что для того чтобы решить проблему, меры должны быть направлены на устранение ее причин, и, таким образом, состав причин и мер должны были бы совпадать. Однако этого не происходит.

На первом месте среди причин находятся махинации с жильем, к которым примыкает также существенная группа других способов утраты жилья. Однако только в одной статье говорится напрямую о необходимости «строже наказывать квартирных мошенников» и нигде не

говорится о таких системных мерах, как изменение жилищного законодательства или иная реформа регулирования рынка жилья и жилищного фонда (например, развитие аренды, ипотеки, страхования жилья и т.д.). Правда, очень часто — чаще всех других мер — предлагаются меры по компенсации отсутствия жилья, но, как правило, временной, в виде ночлежек, или «неполноценной», в виде домов инвалидов, престарелых или «барачков». Т.е. предлагаются меры, направленные не на предотвращение махинаций или уменьшение их числа, а на устранение их последствий.

Похожим образом обстоит дело с алкоголизмом, также одной из наиболее часто упоминаемых причин, бороться с которым почти не предлагается. Только в одной статье говорится, что алкоголиков надо выявлять и лечить до того, как они стали бездомными, и в одной — что от алкоголизма нужно лечить самих бездомных. В двух статьях говорится, что выпрезвитель может служить средством спасения бездомных от гибели в холодное время года.

Такое же расхождение наблюдается и по группам причин, связанных с законодательством и с положением людей, освободившихся из мест лишения свободы. В выборке — всего одна (!) статья, предлагающая менять законодательство, и то в самом общем виде, и ни одной меры по решению жилищных проблем бывших заключенных. Можно сказать, что практически никакие из предлагаемых мер не направлены на устранение причин бездомности.

Заключение

Подводя итог анализу обширного массива газетных статей, можно сказать, что общая картина освещения бездомных и бездомности в региональной прессе выглядит так.

Сама бездомность как явление освещается крайне мало, в основном речь идет о бездомных людях, да и то упоминания их в большинстве статей единичные, проходные и сводятся к нескольким предложениям или даже словам. На первый взгляд кажется, что отношение автора к бездомным в таких статьях не может быть выражено и, значит, основную массу упоминаний следовало бы считать нейтральными. Но на самом деле почти всегда в таких текстах растворена фондовая, почти не заметная ни торопливому журналисту, ни такому же торопливому читателю дискриминация бездомных. Чаще всего она проявляется в назывании бездомных уничижительными словами (как правило — «бомж»), определяющими их как ущербных, низших по отношению к другим, но не дающими никаких обоснований для такого отношения. Их ущербность просто не нуждается ни в каком обоснова-

нии — она сама собой разумеется, бездомному персонажу на страницах газеты не нужно совершать никаких виновных, предосудительных действий или даже демонстрировать неприятный вид — он неприятен по определению. Само слово «бомж» стало нарицательным и обозначает теперь скорее не человека, лишенного жилья, а грязного, оборванного, скорее всего, пьяного типа, независимо от того, есть у него жилье или нет (например, если такой человек роется в помойке, его назовут бомжом, хотя о наличии у него жилья ничего не известно). И это определение может приписываться всем бездомным, независимо от того, выглядят они так или нет — о том, что бездомные могут выглядеть и по-другому, авторы таких статей, судя по их текстам, не помышляют. Такое сверх-обобщение, несомненно, относится к мягкому языку вражды, который из-за его незаметности и привычности еще можно назвать диффузным.

Помимо этого большинства статей, в общем их массиве можно также выделить два «полюса» — условно, позитивный и негативный, к которым притягиваются относительно небольшие группы статей.

Позитивный полюс — это статьи, где отношение автора к бездомным чаще положительное, наименования их чаще корректны, таким образом, здесь реже встречается язык вражды. Среди этих статей больше текстов, целиком посвященных бездомности или случаю с бездомным персонажем, где автор уделяет теме специальное внимание и чаще рассматривает бездомность как социальное явление или проблему. Правда, в текстах последнего типа речь, как правило, идет о деятельности служб помощи бездомным — государственных и общественных — а сами бездомные остаются в них пассивными объектами воздействия, хотя конкретных человеческих историй в таких статьях все-таки больше, чем в общем массиве. Эти истории, нередко называющие бездомных по имени и показывающие их несчастья, очеловечивают их образ и повышают шансы этой социальной группы на сочувствие.

Также к этому полюсу тяготеют статьи, где рассматриваются причины бездомности, причем в большинстве случаев вина за положение бездомных возлагается не на них самих. Чаще, чем обычно, в таких статьях говорится о том, что бездомные лишены возможностей, доступных другим. Чаще здесь попадаются и статьи, рассматривающие меры борьбы с бездомностью, хотя в большинстве случаев это меры борьбы с ее последствиями, а не причинами, а иногда даже и самими бездомными. Тем не менее, внимание как к причинам, так и к мерам борьбы — признак попыток авторов проанализировать ситуацию, что также работает на позитивный образ бездомного. В целом, этот полюс

можно назвать полюсом жалости: хотя авторы здесь активно формируют сочувственное отношение к бездомным, это сочувствие нередко сопровождается взглядом на бездомных сверху вниз (им следует помогать, потому что они жалки).

Негативный полюс — это статьи, где отношение автора к бездомным чаще отрицательное, активнее используются некорректные наименования, и, т.о., чаще встречается язык вражды, в том числе и жесткий. Здесь редко можно встретить статьи, посвященные бездомности целиком, хотя для того, чтобы явно негативное отношение проявилось, как правило, нужно больше одной фразы. В любом случае, авторы здесь реже уделяют специальное внимание бездомности и бездомным; это статьи о другом, в которых бездомные фигурируют как второстепенные персонажи. Здесь они чаще играют отрицательные роли: в лучшем случае — они ущербные и неприятные, в худшем — преступники или субъекты, представляющие другие виды опасности для окружающих (например, своими инфекциями). Они — помеха для «порядочных» граждан, которых следует оградить от их присутствия. В некоторых, хотя и немногочисленных случаях предлагается сделать это насильственными, репрессивными способами, и здесь мы имеем дело с жестким языком вражды. Поскольку гораздо чаще здесь встречается все-таки просто не обоснованные виновностью персонажей опасения или брезгливость, этот полюс можно назвать полюсом отвращения.

Примыкает к этому полюсу и группа статей криминальной хроники, где виновность персонажей обоснована и конкретизирована: каждая из них в отдельности может и не содержать языка вражды, но поскольку общий массив статей почти не содержит текстов, где бездомные играют активные положительные роли, такой дисбаланс способствует негативизации образа бездомных.

В целом, хотя явно враждебных статей в проанализированном массиве и меньшинство, преобладает в нем не агрессивное, но подспудно отрицательное отношение, и в результате выстраивается опять-таки негативный образ бездомного: неприятного, несчастного и зачастую — опасного.

¹ Проект реализовывался при поддержке Датской Церковной Помощи. Сбор и контроль сбора данных осуществлялся Шубиной Т.Ф. (Всероссийский заочный финансово-экономический институт, в партнерстве с АРОБО «Рассвет», Архангельск), В.Щитко и И.Архиповым (АНБО «Социальная помощь бездомным», Владимир), Милюковой И.А., Ю.Петровской, А.Озерцовой (Петрозаводский государственный университет, в партнерстве с БФ «Утешение», Петрозаводск), Н.Коваль и Е.Об-

разцовый (Санкт-Петербургский филиал Государственного университета — Высшей школы экономики, СПб), Р.Озеровой (Фонд «Твой выбор», Тверь), А.Евстафьевой (Тольяттинский государственный университет, в партнерстве с АНО «Открытая альтернатива», Тольятти).

Бездомность и язык вражды в региональных СМИ¹

Николай ГЛАДКИХ, кандидат филологических наук,
международное общество «Мемориал»

Предлагаемый доклад является дополнительным к уже прозвучавшему на этой конференции «Отчету об исследовании освещения бездомности в региональной прессе»². Организаторы конференции попросили меня прокомментировать собранные материалы (тексты, опубликованные в СМИ Санкт-Петербурга, Архангельской, Владимирской, Мурманской, Самарской, Тверской областей и Республики Карелия), с одной стороны, как филолога и текстолога, с другой стороны — как сотрудника общества «Мемориал» — организации, занимающейся социальной аналитикой и защитой прав человека.

В Отчете материал по отношению к бездомным разделен на положительный, отрицательный и нейтральный или неопределенный. Я бы разделил его несколько иначе: на нейтральный и потенциально-позитивный (одна категория), негативный (в котором реализован язык вражды) и смешанный.

1. Почему *потенциально-позитивный*? Вполне положительное отношение к бездомному — это парадокс. Если мы уважаем человека, мы не можем принимать то положение, в котором он находится, совершенно независимо от причин, по которым он стал бездомным. Почему я объединяю эту категорию с нейтральным отношением? Потому что с точки зрения языка тексты и с нейтральным, и с потенциально-позитивным отношением основаны на одном и том же нейтральном политкорректном словоупотреблении. Когда бездомный называется «бездомным» или «человеком/лицом без определенного места жительства».

Никакой специально положительной лексики или риторики по отношению к бездомным не существует. Два обнаруженных мною примера во всем этом массиве материалов, когда с определенной натяжкой можно сказать, что в слова «бездомный» и даже «бомж» вложена

положительная оценочность, это фрагмент интервью Олега Митяева в «Комсомольской правде в Петербурге». Его спрашивают, есть ли у него песня, посвященная Петербургу? — «Да, конечно ... «Этот город неприкаянных людей, принимающий бездомных так легко...» Здесь понятие «бездомный» в какой-то мере поэтизировано и романтизировано. И еще один литературный пример — описание спектакля в театре «Камерная сцена» в Самаре, где фигурирует персонаж — «бомж-ангел», творящий чудеса, а потом через свое страдание облагораживающий души своих мучителей.

В остальном в газетной хронике и публицистике позитивное отношение выражается только на уровне содержания. Во-первых, это примеры какой-либо положительной деятельности самих бездомных. Это единичные примеры защиты ими своих прав (участие представителя Петербурга в IV Европейском социальном форуме бездомных разных стран, проходившем в Афинах), это спортивные успехи петербургской же футбольной команды бездомных и некоторые другие, менее выразительные примеры. Во-вторых, это примеры позитивного отношения к бездомным. Разнообразная социальная помощь, благотворительность, в редких случаях — защита их прав и т.д. Это отношение может быть выражено в интонациях жалости, сочувствия, сострадания, призыва к помощи. Пример — серия статей в разных регионах о морозах. «Волжская Коммуна»: «Кстати, о бомжах ... Уж коли блюстителям порядка выдали предписание не больно шибко гонять бездомных сограждан с относительно (весьма и весьма!) теплых чердаков, подвалов да колодцев, стало быть мороз сделался у нас неким инструментом гуманизма. Хотя мерзнут, бедолаги; в Тольятти говорят, вон уже один совсем того, в Сызрани другой». «Самарские известия»: «...не заросла тропа к Вечному огню. ...в прошлом году в службу пожаротушения поступил сигнал о том, что некий бомж, решив погреться возле пламени, случайно в него и упал. К счастью, бедолагу тогда удалось спасти...» «Владимирские ведомости», письмо в газету: «Я хотела коснуться большого вопроса — бездомных, иначе бомжей. Сколько их замерзло в эту зиму? Кто-нибудь считал? ... Дорогие земляки! Надо что-то серьезно думать! ... Пора спасать человечество. Хоть бараки для бездомных строить!» Можно набрать много других примеров.

2. В отличие от потенциально-позитивного отношения, *негативное* отношение к бездомным имеет свой язык и свою риторику.

Общество «Мемориал» и его партнеры — информационно-аналитический центр «Сова», Бюро по правам человека, Рязанский и Сыктывкарский региональные «Мемориалы», занимавшиеся этим более специализированно, — имеют достаточно обширный опыт исследова-

**Бездомность
и язык вражды
в средствах
массовой
информации**

Сборник материалов

**Межрегиональная Сеть
«За преодоление социальной исключенности»**

**Санкт-Петербург
2009**

ББК 60.54я43 + 76.0я43
УДК 364:659(082)
Б39

Сборник «Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации» издается в рамках проекта «Укрепление гражданского общества и местных органов власти в европейской части Российской Федерации» (IBPP 2007/123-563), реализуемого гуманитарным агентством «Датская Церковная Помощь», РБОО «Ночлежка» (Санкт-Петербург), АНО «Открытая Альтернатива» (Тольятти, Самарская область), АНБО «Социальная помощь бездомным» (Владимир), Управлением социальной защиты населения комитета по труду и социальному развитию Мурманской области по городу Мурманску, Отделом по работе с населением и общественными объединениями Администрации города Новодвинск (Архангельская область). Проект осуществляется при финансовой поддержке Европейского Союза (Программа IBPP).

Б39 Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сборник материалов — Санкт-Петербург : Межрегиональная Сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009. — 80 с.

ISBN 978-5-98240-047-5

В этом сборнике представлены тексты, объединенные темой «Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации». Значительная их часть была подготовлена специально к одноименной конференции, организованной в рамках проекта «Укрепление гражданского общества и местных органов власти в европейской части Российской Федерации» (IBPP 2007/123-563), остальные предшествовали ей или были опубликованы после нее. Издание рассчитано на представителей СМИ, сотрудников государственных и негосударственных организаций, органов власти и местного самоуправления, студентов и преподавателей вузов (прежде всего обучающихся по специальности «Журналистика» и «Социальная работа»), а также для всех неравнодушных к проблемам социально-исключенных людей.

ISBN 978-5-98240-047-5

© Гуманитарное агентство
«Датская Церковная Помощь»
© Некоммерческое Партнерство
«Новые Социальные Решения»

Вместо предисловия

Дорогу жизни осквернили чучелами

Заступники бомжей надругались над святым!

Вчера активисты движения «Путь домой» установили сто памятников бомжам, которые уже погибли или еще погибнут этой зимой. Вдоль легендарной Дороги Жизни они разложили поношенную одежду с табличками «Я», предназначенную для бомжей. Уложенная в ряд одежда символизирует могилы неизвестных бомжей.

Водку распили сами активисты

Рядом с одеждой активисты положили хлеб и поставили пластиковые стаканчики с водкой. Предполагалось, что проходящие мимо петербуржцы выпьют за упокой погибших. Но петербуржцы пить не стали. Водку пришлось вылить, хлеб закопали в снег. За одеждой никто из бомжей так и не явился. Промокшую и заледенелую, ее упаковали обратно в мешки и куда-то увезли. Остатки водки распили организаторы акции.

Изначально акцию задумывали иначе. В одежду из секонд-хэндов собирались нарядить сто чучел и поставить их вдоль Дороги Жизни. Так она и для бомжей доступна, и простым обывателям дает повод задуматься над происходящим.

— Чучела будут пугать прохожих, а бомжам не хватает нашего внимания, — считает защитник бездомных и главный вдохновитель акции г-н Тюрин. — Бездомным необходимы человеческое тепло и забота. Цель нашей акции — изменить отношение общественности к таким людям. Им нужно дать постоянную работу, жилье и прописку. В Петербурге насчитывается до 300 тысяч незаконных мигрантов и живет 54 тысячи бомжей. По нашим данным, только треть населения испытывает сочувствие к бездомным и готова им помогать. Скинхеды охотятся на них как на бешеных собак.

Тюрин несколько не смутило место проведения акции. На Дороге Жизни, святом месте для любого ленинградца. Дорога стала спасением для сотен тысяч блокадников. А ее хотят осквернить чучелами бомжей. Бред!

Трапеза рядом с покойником

Меньше года назад моего родного дядю, тоже блокадника, убил бомж. Ради того чтобы пожить пару недель в его двухкомнатной квар-